
DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-183-188

УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

Надежда Шерварлы

**Мотив призрачности
в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи»**

Nadezhda Shervarly

**The Motif of Illusoriness
in F.M. Dostoevsky's Novel *White Nights***

Об авторе: Надежда Григорьевна Шерварлы, ученица 8 класса МАОУ СОШ г. Холма Новгородской области.

E-mail: nd-shervarly@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется неоднозначный мотив призрачности и его значение в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи». Этот мотив пронизывает весь роман, проявляясь в разных значениях своей парадигмы (мечта, сон, видение, обман, «дух во образе», и др.), уточняя, заостряя мысль автора о механизме заболевания мечтательством и исцелении от него.

Ключевые слова: Достоевский, призрачность, призрак, сон, видение, Мечтатель, Настенька, «Белые ночи».

Для цитирования: Шерварлы Н.Г. Мотив призрачности в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // Достоевский и мировая культура. 2019. № 1(5). С. 183-188.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-183-188

About the author: Nadezhda G. Shervarly, 8th year student, Kholm, Novgorod region.

Abstract: The article concerns the ambiguous motif of illusoriness and its significance in F.M. Dostoevsky's novel *White nights*. The motif pervades the whole novel, manifesting itself in different meanings of its paradigm (a reverie, a dream, a vision, a deception, a "spirit within", etc.), refining and concentrating the author's ideas about the sickly process of dreaming and its healing.

Keywords: Dostoevsky, ghostliness, ghost; dream, vision, Dreamer; Nastenka, *White nights*.

For citation: Shervarly N.G. Motive of Illusoriness in F.M. Dostoevsky's Novel *White Nights*. *Dostoevsky and World Culture*. 2019. № 1(5). Pp. 183-188.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-183-188

В «сентиментальном романе» Достоевского «Белые ночи» то и дело натыкаешься на слово «призрак».

Первый раз слово «призрак» вылетает из уст Мечтателя, когда тот начинает рассказывать о себе Настеньке. Он рассказывает про «целое царство мечтаний», и как потом в одну секунду всё может разрушиться: «Целое царство мечтаний рушилось вокруг него, рушилось без следа, без шума и треска, пронеслось, как сновидение, а он сам не помнит, что ему грезилось» [Достоевский 1972–1990: II, 115]. Но затем всё снова оживает, и Мечтатель даже не замечает, как оказывается в реальной жизни: «Но какое-то тёмное ощущение, от которого слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желание соблазнительно щекочет и раздражает его фантазию и незаметно сзывает целый рой новых призраков» [Там же]. Здесь «призрак» – как живой. Ведь слово «рой» обычно употребляют в значении скопления насекомых: рой пчёл, рой комаров, рой мух и, что интересно, рой бесов. Получается, что рой призраков здесь имеет какой-то негативный оттенок. Ведь слово «призрак» употребляется здесь с такими прилагательными, как «соблазнительный», «фантастический». Соблазн, искушение – такие понятия часто связаны со словом «бесы». У Достоевского слово «призрак» ещё связано с прилагательными «волшебный» и «сказочный». Значит, призраки – это нехорошо? Это какой-то другой мир, который завлекает в себя. У А.С. Пушкина, которого Достоевский очень любил, есть стихотворение «Бесы». Достоевский это стихотворение знал и даже взял его эпиграфом к одноимённому роману.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

«Посмотрите на эти волшебные призраки, – говорит Мечтатель, – которые так очаровательно, так прихотливо, так безбрежно и широко слагаются перед ним в такой волшебной, одушевлённой картине...» [Достоевский 1972–1990: II, 115-116]. Здесь «призрак»

уже немного выявляется, показывается наружу, в реальный мир. Но он всё равно ещё остаётся в фантазии Мечтателя, который, сам того не замечая, слагает его в прекрасную, «одушевлённую картину».

В третий раз слово «призрак» как будто противопоставляется первому и второму: «И ведь так легко, так натурально создаётся этот сказочный, фантастический мир! Как будто и впрямь всё это не призрак!» [Достоевский 1972–1990: II, 116]. Ведь призрак – это какая-то часть фантазии, а наш друг так сильно замечтался, так воплотился в своих мечтах и уже не может поверить, что всё это придуманные призраки.

Далее у Достоевского «призрак» как призрак любви – это снова что-то прозрачное, ненастоящее: «Неужели он только и видел её в одних обольстительных призраках, и только лишь снилась ему эта страсть?» [Достоевский 1972–1990: II, 117]. Призрак любви ему снился. Он видит в призраке и во сне ту, которую никогда не видел и не знал.

«Призрак» появляется и в мире Настеньки. Мы читаем его в письме: «На коленях умоляю вас, простите меня! Я обманула и вас и себя! Это был сон, призрак...» [Достоевский 1972–1990: II, 140]. Что Настенька называла призраком? То, что решилась на чувство к Мечтателю? То, что решилась довериться ему? Минуту блаженства для Мечтателя? Или вообще всю историю с ним? Настенька говорила, что она тоже «мечтательница», но она мечтает по-другому. Она мечтает фантазируя: «Я сама мечтатель! Иной раз сидишь подле бабушки и чего-чего в голову не войдёт. Ну, вот и начнёшь мечтать, да так раздумаешься – ну, просто за китайского принца выхожу...» [Достоевский 1972–1990: II, 111]. Настенька говорит «раздумаешься». Значит, она мечтает и думает. А Мечтатель, создавая целые романы, совсем не думает. Он даже забывает, где идёт, за чем идёт. У него это идёт своим чередом. Затем Настенька говорит: «А ведь это в другой раз и хорошо – мечтать! Нет, впрочем, Бог знает! Особенно если есть и без этого о чём думать» [Достоевский 1972–1990: II, 111]. Значит, мечтать для Настеньки – это так, когда думать не о чём. А Мечтатель затянут этой паутиной мечтательства на всю жизнь

У В.И. Даля «призрак» – это «обманчивая видимость, образ, явление, представшее чувствам нашим, или чувству внутреннему; всё мнимое, мечта, бред, грёза; видение, привидение; невещественное явление, дух во образе. Во сне являются призраки, быть может, ви-

дения из духовного мира. Мечта, воображение, чего нет на деле, мечтательный, воображаемый, обманчивый, обольстительный, недоступный уму и чувствам, недостижимый, непостижимый, неуловимый» [Даль 2008: 670].

Призрачность в сфере Настеньки имеет, возможно, какое-то другое значение. Возможно, это близко к тому, что В.И. Даль в своем «Словаре» определяет как «дух во образе». Возможно, этот «призрак» приносит то, чего нет на самом деле, но показывает иногда то, что должно бы быть. Ведь вечная любовь Настеньки и Мечтателя должна была быть, но она показалась им лишь в призраках, которые пролетели мимо.

Если присмотреться, мотив призрака находится в основном в сфере Мечтателя и показывает механизм зарождения мечтаний. Сначала призраки просто щекочут фантазию, а в конце уже слагаются в одушевленную картину и вырываются наружу. И на этой основе рождается мечтание.

Получается, что сон, мечта, видение, о чём не раз пишет Мечтатель – это тоже в своём роде призрак?

Мечтатель говорит: «Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной» [Достоевский 1972–1990: II, 107]. Здесь он говорит о сне настоящем, реальном. Мечтателю не верится в реальность, ему кажется, что это сон, потому что до этого он всегда выдумывал такие романы. Он имеет в виду сновидение.

Далее у Достоевского: «Неужели он только и видел её в одних обольстительных призраках, и только лишь снилась ему эта страсть?» [Достоевский 1972–1990: II, 117]. Здесь слово «снилась» Мечтатель употребляет в значении «привиделась», «показалась». Здесь страсть смешалась с мечтами, и показывается Мечтателю в призраках, снится ему. И снится не в обыкновенных снах.

И третий «сон»: «Слышишь, видишь, как живут люди, – живут наяву, видишь, что жизнь для них не заказана, что их жизнь не разлетится, как сон, как видение...» [Достоевский 1972–1990: II, 118]. Здесь сон совсем в другом значении. Имеется в виду, что жизнь не распадётся на осколки твоей фантазии. Жизнь не может распасться, и поэтому она противопоставляется здесь сну, употреблённому в значении «видения».

О мечтаниях сказано: «А между тем чего-то другого просит и хочет душа! И напрасно мечтатель роется, как в золе, в своих старых

мечтаниях...» [Достоевский 1972–1990: II, 119]. Он сравнивает мечтания, которые могут возникнуть незаметно и неслышно, и золу. А зола – это отходы, которые мы выгребаем из печки и потом выбрасываем или оставляем для удобрения. Так же и мечтания: он выгребаёт их из глубины своего подсознания, но всё это напрасно, все они уже истлели, как дрова, и превратились в золу.

Призраки и мечтания в этом романе не всегда видны сразу. Иногда Достоевский просто намекает на них. Вот некоторые из них: «Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению, забыть, где я, как вдруг очутился у заставы. Вмиг мне стало весело, я шагнул за шлагбаум...» [Достоевский 1972–1990: II, 104]. Получается, что даже на улице, где полно народа, Мечтатель не видит никого, потому что витает в своём мире. Он даже забывает, где он, куда идёт. И тут он оказывается у заставы и ему вмиг становится весело. Разве такое возможно? Скорей всего, его просто подхватывает рой новых призраков и влечёт за собой, заставляя покинуть реальную жизнь: «Все проезжие смотрели на меня так приветливо, что решительно чуть не кланялись; все были так рады чему-то, все до одного курили сигары» [Достоевский 1972–1990: II, 104-105]. Все ему улыбаются, хоть у него во всём Петербурге нет ни одного знакомого, все курят сигары, вокруг него расцветает природа, светит солнце. Получается, что шлагбаум, разделявший город и природу, является и границей между реальной жизнью и жизнью призрачной.

Встреча с Настенькой изменила призрачную жизнь Мечтателя. Он говорит: «Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной» [Достоевский 1972–1990: II, 107], – то есть, даже во сне он не мечтал поговорить с женщиной, он даже не гадал об этом, женщина для него была как далёкий туманный призрак. Но, несмотря на это, он часто влюблялся в идеал: «Ах, если б вы знали, сколько раз я был влюблён таким образом!.. <...> Да ни в кого, в идеал, в ту, которая приснится во сне. Я создаю в мечтах целые романы» [Достоевский 1972–1990: II, 107]. То есть он создаёт романы, влюбляется в идеал, но ни разу не мечтал, что поговорит с женщиной, может даже он боится думать об этом. Но вскоре он проходит мимо девушки, и вдруг слышит, что она плачет: «...и вдруг я остановился, как вкопанный. Мне послышалось глухое рыдание. Да! Я не обманулся: девушка плакала, и через минуту ещё и ещё всхлипывание»

[Достоевский 1972–1990: II, 105-106]. Можно сказать, что эти рыдания, эти всхлипывания в один миг вернули Мечтателя в реальную жизнь.

С этого момента Мечтатель всё меньше и меньше возвращается в свой фантазийный мир. Он всё время думает о Настеньке (хоть она и говорит, что тоже мечтательница, но мечтает она по-другому, не всю жизнь). Получается, что Настенька дала Мечтателю возможность побывать в реальном мире, дала возможность осознать, что значит – девушка рядом.

До встречи с Настенькой Мечтатель всю свою призрачную жизнь проводил в одних лишь мечтаниях, он почти не жил: «И опять спрашиваешь себя: что же ты сделал с своими годами? Куда ты схоронил своё лучшее время? Ты жил или нет?» [Достоевский 1972–1990: II, 119]. А Настенька, как луч солнца, пробившийся в угол, осветила уголок души Мечтателя, осветила его жизнь, дала ему пожить три белые ночи. Но всё же этот кусочек реальной жизни, переполненный чувствами, изменил Мечтателя на всю жизнь. Он оставил глубокий отпечаток в его душе. А минута блаженства останется в памяти навсегда.

Таким образом, возможно, Достоевский показывает читателям не только механизм заболевания мечтательством, но и то, как можно избавиться от него.

Список литературы

Даль 2008 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: ЭКСМО, 2008. 938 с.

Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972.

References

Даль 2008 – *Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 938 p. (In Russ.)

Достоевский 1972–1990 – *Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)